

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182357-370>

Неклюдов Евгений Георгиевич
д.и.н., главный научный сотрудник
Институт истории и археологии
Уральское отделение РАН, Екатеринбург, Россия
ntplant9@mail.ru

«КЕДАБЕКСКАЯ ПОСЕССИЯ» СИМЕНСОВ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Аннотация: В статье представлена история так называемой «кедабекской посессии», заключавшейся в отводе казенных земель и лесов к Кедабекскому и Калакендскому медеплавильным заводам в Закавказье во второй половине XIX – начале XX в. С ее помощью было организовано одно из крупнейших горнозаводских хозяйств в регионе, принадлежавшее знаменитым предпринимателям прусского происхождения Сименсам. Лесные отводы требовались для заготовки древесного топлива для металлургических печей. На примере деловой переписки владельцев и директоров предприятий с региональными и центральными горными властями показано, как условия посессионного владения, положенные в основу взаимоотношений владельцев и государства, влияли на поступательное развитие крупнейшего в регионе горнозаводского хозяйства. Жесткая увязка размеров лесных отводов с годовой производительностью предприятий на определенном этапе стала ограничивать рост производства, который в условиях падения рыночных цен был единственным способом выживания заводов. Острота топливной проблемы, с одной стороны, вызывала трудности во взаимоотношениях с региональной горной администрацией и рост накладных расходов, но с другой, – подталкивала заводоуправление к внедрению новейших способов плавки меди и применению ископаемого топлива. Посессионные правоотношения оказались одним из факторов, заставивших владельцев отказаться не только от лесных отводов, но и от дальнейшей эксплуатации налаженного многолетними усилиями крупного промышленного дела.

Ключевые слова: Закавказье; вторая половина XIX – начало XX в.; горные заводы; Сименсы; посессионное право.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182357-370>

Neklyudov Evgeny Georgievich
Dr. Sci. (History), Chief Researcher
Institute of History and Archaeology
Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russia
ntplant9@mail.ru

THE SIEMENS' "GADABAY POSSESSION" IN TRANSCAUCASIA

Abstract. The article presents the history of the so-called “Gadabay possession”, which was the allotment of public lands and forests to the Gadabay and Kalakend copper smelters in Transcaucasia in the second half of the 19th – early 20th centuries. With its help, one of the largest mining enterprises in the region was organized, which belonged to the famous entrepreneurs of the Prussian origin – the Siemens. Forest allotments were required for the procurement of wood fuel for metallurgical furnaces. Using the example of business correspondence between owners and directors of enterprises with regional and central mining authorities, we demonstrate how the conditions of possession, which form the basis of the relationship between owners and the state, influenced the progressive development of the region’s largest mining enterprise. At a certain stage, the rigid connection of the size of forest allotments to the annual productivity of enterprises began to restrict the growth of production, which, in the context of falling market prices, was the only way for the plants to survive. The severity of the fuel problem, on the one hand, caused difficulties in relations with the regional mining administration and an increase in overhead costs, but on the other hand, it pushed the plant management to introduce the latest methods of copper smelting and the use of fossil fuels. Possessional legal relations turned out to be one of the factors that forced the owners to abandon not only forest allotments, but also the further exploitation of a large industrial business, established by many years of hard work.

Keywords: Transcaucasia; second half of the 19th – early 20th centuries; mining plants; the Siemens; possession law.

Посессионное право в горнозаводской промышленности России продержалось до конца имперского периода. Как система норм и правил оно оформилось в начале XIX в. и было следствием реализации государством своего «участия» в предпринимательстве частных лиц, воспользовавшихся при возведении заводов так называемыми «казенными пособиями», или посессиями, в виде земель, лесов, рудников и людей разных категорий. Посессионные горные заводы в отличие от владельческих, или состоявших на праве частной собственности, платили повышенную в полтора раза подать за выплавленный металл и находились под контролем государства в лице горного ведомства, которое строго следило за «правильным» использованием предоставленных пособий [1; 2; 3; 4].

Большинство посессионных заводов располагалось в «старинных» металлургических районах страны – на Урале и в Замосковном крае, объединявшем несколько центральных губерний. Там их статус был установлен в начале XIX в. административным порядком после выяснения того, какими пособиями пользовались те или иные заводы. Третьим районом распространения этого «ограничительного» права стало Закавказье, когда после присоединения к Российской империи там было введено «Положение для грузинского горного производства» в 1816 г. «Приискивать руды, минералы или камня» на государственных землях было разрешено «всякому», но разрабатывать рудники и строить заводы допускалось лишь с согласия горного начальства и «на особенных с ним условиях» [5]. Частные посессионные имения, таким образом, появились здесь на основании договоров с казной и условия их владения могли отличаться от общих положений, зафиксированных в Горном уставе – кодексе горнозаводского законодательства Российской империи, действовавшего с 1835 г. Но, также как и в старинных районах, на Закавказье распространялись «коренные» принципы этого эксклюзивного для России права, заключавшиеся в «нераздельности» заводов и посессий и условности пользования ими до тех пор, пока действуют заводы.

По данным Главного управления кавказского наместника, к началу 1860-х гг. посессионными считались 8 из 11 медеплавильных заводов подведомственного региона. Это были Алавердский (Алвердский, Аллавердский) и Шамблугский заводы, расположенные в Борчалинском уезде Тифлисской губернии, Кедабекский и Дашкесанский – в Елизаветпольском уезде той же губернии. В Эриванской губернии в Александропольском уезде действовал Сицимаданский (Сисимаданский) завод, в Ордубадском уезде – Агаракий и Пирдоуданский заводы, в Новобаязетском – Мисханский завод¹. Эти небольшие предприятия принадлежали, как правило, компаниям мелких предпринимателей греческого происхождения и пользовались казенными «пособиями в землях, лесах и рудниках» [7, с. 124–127]. Как свидетельствовал управляющий горной частью на Кавказе инженер И.А. Штейнман, заводовладельцы применяли здесь

¹ С 1862 г. в Тифлисской губернии действовал еще посессионный Чатахский железодельный завод [6].

«самые неумелые и хищнические» способы горных разработок и «весьма несовершенный», так называемый «азиатский», метод выплавки меди «в низких шахтных печах прямо на черную медь, без промежуточных операций». Он был возможен при условии использования «исключительно богатых руд и полном пренебрежении рудами с незначительным содержанием металла». Выплавленная в небольших объемах медь продавалась в районе расположения завода и шла на изготовление посуды, «употреблявшейся туземцами вместо стеклянной и глиняной»; часть металла отправлялась в Персию [8].

Благодаря подключению русских и иностранных инженеров и предпринимателей «горный промысел» в Закавказье стал совершенствоваться и расширяться. Одними из крупнейших во второй половине XIX в. стали здесь заводы, основанные известными прусскими предпринимателями братьями Сименсами. В обширной (особенно западноевропейской) литературе [9, с. 325–326, 399–411], посвященной этой семье, вопрос о правовых условиях владения кавказскими заводами и их влиянии на развитие предприятий, еще не поднимался. В основном авторы уделяли внимание организационным, экономическим и техническим аспектам [см., напр.: 10; 9; 11; 12]. Попытаемся на основании деловой переписки, обнаруженной в Российском государственном историческом архиве, а также экономических описаний, опубликованных в ведомственном «Горном журнале», прояснить эту сторону работы крупнейших в Закавказье медеплавильных предприятий и их знаменитых владельцев.

По официальным данным, в апреле 1864 г. Сименсы² купили Кедабекское меднорудное месторождение у «турецко-подданных греков», которые еще в 1855 г. получили от наместника Н.Н. Муравьева разрешение пользоваться окрестными лесами и выплавлять медь на устроенном ими одноименном заводе³. И.А. Штейнман уточнил, что покупка состоялась «от прежних кратковременных владельцев Морица и Таннера, приобретших со своей стороны право разработки Кедабекского месторождения от рудопромышленников греков и армян» [8, с. 24].

Интерес «пруско-подданных» покупателей к кавказским рудам был вызван потребностью в меди: она использовалась при проведении телеграфа, чем Сименсы активно занимались в то время. Предполагалось создать в Закавказье современное крупное производство, для чего потребовался отвод лесов для заготовки древесного топлива, который и был осуществлен на посессионном праве, видимо, несколькими партиями (в 1868 г. отвели под завод 69 дес. земли и 8808 дес. леса, в 1874 г. – еще 4650 дес. леса). Тогда же был введен в действие обновленный Кедабекский завод, производительность которого в соответствии с количеством отведенных лесов была рассчитана на 40 тыс. пуд. меди в год.

2 Источники не позволяют точно установить изначальную структуру владения. Но известно, что Кедабекское имение сохраняло семейный статус даже после акционирования в 1897 г. основной фирмы «Siemens&Halske AG» [9, с. 279]. По нашим сведениям, после кончины всех братьев имение поровну делили между собой наследники Вернера и наследники Карла Сименсов.

3 Из рапорта уполномоченного министра государственных имуществ А.А. Штофа в Горный департамент от 31 декабря 1885 г. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 37. Оп. 65. Д. 2128. Л. 50–60.

Крупное и перспективное предприятие освободили от платежа горной подати на 15 лет, разрешив впоследствии начислять ее в размере, установленном для владельческих заводов.

По наблюдениям того же И.А. Штейнмана, завод управлялся «сведущими инженерами» и «посессоры его, имеющие громкую известность в промышленном и ученом мире», не щадили «первоначальных затрат для устройства предприятия на прочных рациональных началах». При сравнении результатов, «получаемых при азиатском и европейском способах заводского действия», оказалось, что «при первом употребляется горючего от трех до четырех раз более на выплавку одного и того же количества меди; суточная выплавка печей в пять раз менее, и руды добывается на одного человека от 15 до 20 раз менее» [8, с. 25–26].

Правда, по свидетельству директора завода Больтона, «во время льготного срока» вместо допустимых 600 тыс. пуд. сумели выплавить лишь 363 232 пуд. Такое «неудовлетворительное действие» объяснялось трудностями возведения предприятия. «Завод лежит в горах на высоте 4500 футов над уровнем моря, в 200 верстах от Тифлиса, – сообщал директор. – К нему ведет из долины Куры самая первобытная дорога с подъемом в 3000 футов. Во время строительства не существовало Закавказской железной дороги и потому пришлось доставлять туда все машины и заводские приспособления на быках с берегов Черного моря, на расстояние более 500 верст. За неимением на Кавказе в то время сведущих людей, все служащие выписаны были из заграницы, а первые мастеровые прибыли из Нижнетагильского завода (И.А. Штейнман сообщал, что «для первоначального выжигания угля и успешной выплавки меди» с Урала были приглашены 16 мастеровых, «которые уже успели доказать на деле полезность такой меры» [8, с. 25]. – *Е. Н.*). Рудники вовсе не были разведаны, а единственный действовавший рудник – затоплен. Постройка самого завода и жилых зданий продолжалась пять лет сряду»⁴.

Когда же производительность предприятия достигла установленных по договору 40 тыс. пуд., выяснилось, что оно при таких условиях «не имеет будущности»: требовалось увеличить годовое производство меди, чтобы покрыть все накладные расходы. Возникла острая необходимость пересмотра первоначальных условий договора с казной, за нарушение которых могло последовать в лучшем случае начисление повышенной подати за сверхнормативный металл, а в худшем – «отобрание земель и лесов в казну».

Сименсы 21 марта 1879 г. подали прошение о возведении нового завода для ежегодной выплавки 20 тыс. пуд. меди и строительства узкоколейной железной дороги длиной в 30 верст, которая бы соединила оба предприятия. Одновременно они ходатайствовали о дополнительном отводе леса, который обеспечил бы новый завод топливом в соответствии с установленной производительностью. Получив разрешение и отвод (5945 дес.), в мае 1883 г. владельцы завершили

⁴ Письмо директора Кедабекского завода Больтона. Декабрь 1885 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2128. Л. 23–31 об.

строительство Калакендского завода, на которое потребовалось 100 тыс. руб., и железной дороги стоимостью 800 тыс. руб. При этом, по сообщению Болтона, Сименсы «не пользовались никакими чужими капиталами», вкладывая ежегодно в дело от 150 тыс. до 200 тыс. руб. Когда же «стали образовываться небольшие прибыли, они не вынули эти доходы из оборота, а... употребили на разные усовершенствования и постройку завода и железной дороги, а, следовательно, не имели ни малейшей личной выгоды»⁵.

Эти аргументы потребовались директору для того, чтобы обосновать свою просьбу не останавливать заводы после достижения нормы годовой выплавки и не начислять повышенную подать за сверхнормативный металл. Тем не менее, когда в 1885 г. производительность обоих заводов превысила 80 тыс. пуд. (при допустимых 60 тыс.), управляющий горной частью на Кавказе В.И. Мёллер счел это нарушением условий посессионного владения и распорядился, чтобы «братья Сименсы впредь не позволяли себе, не испросив предварительного разрешения установленным порядком, вести выплавку меди в размере выше назначенной нормы и чтобы не уклонялись от правильной разработки отведенных им рудных месторождений и... по отношению к горючему материалу». Он потребовал уплатить «за переработку» более 14 тыс. руб. дополнительной подати (а с пеней – около 19 тыс. руб.)⁶. В своем отчете министру государственных имуществ В.И. Мёллер особо подчеркнул, что «считает своей обязанностью строго следить за тем, чтобы медеплавильные заводы, пользующиеся пособием в лесе от казны, не выходили из этих рамок во избежание значительного вреда, который, в противном случае, легко может быть нанесен ими лесному хозяйству страны». В то же время он пообещал, что будет «всеми возможными мерами содействовать развитию медного производства на минеральном топливе и при посредстве электричества» [13, с. 457, 482].

Карл Сименс, который, приняв российское подданство (в 1895 г. он получит и потомственное дворянство), вел семейные дела в империи, жаловался министру государственных имуществ М.Н. Островскому на действия местного горного начальства, своими требованиями якобы ставившего заводы на грань остановки. Сначала он попросил сообщить В.И. Мёллеру «на мой счет по телеграфу» о том, что вместо остановки «калакендского шплейзофена» (печь для очистки меди) «вполне достаточно точной проверки излишнего производства для исчисления причитающейся казенной пошлины». «В настоящее время, – со знанием дела предупреждал он, – шплейзофен понапрасну потребляет топливо, так как в случае совершенного закрытия его кварцевый свод, при возобновлении топки, неминуемо должен провалиться»⁷.

Однако, как сообщал Сименс уже после получения затребованной телеграммы, управляющий горной частью хотя и разрешил «возобновление действия...

⁵ Там же.

⁶ Из рапортов Управления горной частью на Кавказе в Горный департамент от 25 сентября и 9 ноября 1885 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2128. Л. 1–4, 18.

⁷ Письмо Карла Сименса в Горный департамент от 10 октября 1885 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2128. Л. 5–5 об.

шплейзофена, но при этом воспретил всякое дальнейшее выплавление; таким образом, Калакендский завод вовсе прекратил свое действие и все рабочие остались без дела». «Вообще мне кажется, что г-н Мёллер поставил себе целью лишить меня возможности продолжить свои предприятия на Кавказе», – предположил он, дополнительно указав на то, что управляющий нажаловался местному губернатору на директора Больтона, который одновременно выполнял на заводе и обязанности «полицейского органа» в отношении 1,5–1,8 тыс. рабочих, на две трети состоявших из местных жителей. «А между тем, – констатировал предприниматель, – всякий обыватель той местности мог бы сказать ему, что только со времени такого соединения должностей там водворены тишина и порядок. При том очевидно, что столь значительный завод, находящийся в местности, населенной вполне дикими племенами, не может существовать без полицейской власти»⁸. Губернатор князь А.Д. Накашидзе поддержал Сименса, объяснив, что чиновник IX класса по Табели о рангах (титулярный советник, или штабс-капитан в армии) при Елизаветпольском уездном управлении Больтон, «состоя на государственной службе, приносит местной администрации громадную пользу». При этом он упомянул не только о том, что заводладельцы фактически содержали полицию, но и «открыли даровое телеграфное сообщение». Вскоре инцидент был исчерпан, и директору разрешили «остаться в полицейской должности», хотя В.И. Мёллер поставил условие, чтобы тот «отстранял себя от всех дел по полиции, касавшихся действий местного заводоуправления»⁹.

В отношении же «излишне взыскиваемой пошлины» Карлу Сименсу пришлось уступить, несмотря на то что этот вопрос, вопреки прежним заявлениям, по его словам, все-таки «был для нас особенно чувствителен»¹⁰. Директор пояснил слова заводчика тем, что в связи с открытием богатых залежей медной руды в Северной Америке цена на медь на Нижегородской ярмарке упала с 11,45 руб. в 1883 г. до 7,90 руб. в 1885 г. «Есть только одно спасение, чтобы избежать закрытия заводов, – писал он министру, – увеличить производство до 80 тыс. пуд. и этим удешевить стоимость продукта»¹¹.

Побывав по заданию М.Н. Островского на заводах Сименсов, В.И. Мёллер убедился в том, что, «благодаря аккуратности и толковитости заведующего рудником иностранца Шрёдера», добыча руды велась там правильно, но «относительно лесной операции не все... обстояло благополучно». Причиной тому называлось отсутствие «плана лесного хозяйства», который требовалось составлять при эксплуатации посессионных дач и которому нужно было неукоснительно следовать. В такой ситуации «в виде особой льготы» министр

8 Письмо Карла Сименса в Горный департамент от 28 октября 1885 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2128. Л. 11–12.

9 Из рапорта Управления горной частью в Горный департамент от 5 ноября 1885 г. и отношения губернатора в Управление горной частью от 25 октября 1885 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2128. Л. 15–17.

10 Из письма Карла Сименса в Горный департамент от 12 декабря 1885 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 38.

11 Письмо директора Кедабекского завода Больтона. Б/д. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 23–31 об.

простил Сименсам допущенное нарушение договора, но потребовал все-таки уплатить повышенную горную подать за медь, выплавленную сверх нормы, обязал составить план вырубki и в дальнейшем согласовывать с горным начальством годовые объемы производства¹².

Урок не прошел даром, и в последующие годы директор стал своевременно обращаться за разрешением о превышении производительности (в частности, в 1888 г. – до 100 тыс., в 1890 г. – до 108 тыс. пуд.), аргументируя просьбу переводом производства «на нефтяное топливо и отчасти введением электролитического процесса», что не требовало «усиления отпуска леса»¹³. Но осуществить это удалось не сразу из-за недостатка мазута и средств его транспортировки. Поэтому потребность в древесном топливе не сократилась, более того, понадобились новые лесные отводы. Последний из них был предоставлен в 1891 г. (2054 дес.). Тогда Кедабекская заводская дача увеличилась до 21 458 дес. (по другим сведениям она достигала 21 998 дес.)¹⁴.

По свидетельству побывавшего там в 1897 г. члена министерского Горного совета князя С.С. Абамелек-Лазарева, 10-летний план лесного хозяйства был все-таки составлен и в 1894 г. утвержден товарищем министра. Карл Сименс взял на себя обязательство оплатить таксационные работы и на устройство лесничества ежегодно направлять до 1,5 тыс. руб. Однако техническая смета не была составлена, в результате чего «дело заглохло», и никаких «лесокультурных работ» не проводилось. При этом князь указал на опасности, с которыми сталкивалось бы заводоуправление при осуществлении этих работ. Они исходили «от выселенных распоряжением губернской администрации из заводских лесов кочевников, не принявших оседлого местожительства и постоянно вторгающихся в леса», а также «от ежегодного весеннего и осеннего прохода через отведенные леса кочевников, идущих с летних пастбищ на зимние и обратно» [14, с. 375]. Местное начальство, видимо, полагало, что заводская администрация, обладая полицейскими полномочиями, должна сама справиться с этими проблемами.

Когда же в 1903 г. пришло время для составления нового плана, директор заводов Густав Келле (Кёллес) заявил об истощении запасов руды в Кедабекском руднике, которых, по его словам, едва ли хватило бы на полгода работы предприятий. Это не было простой уловкой нового директора. О недостатке руд ранее сообщал и С.С. Абамелек-Лазарев. «Необходимо самым энергичным образом искать новые рудные месторождения, – советовал он, – иначе дни обширного Кедабекского предприятия сочтены... Тогда из общей производительности Кавказа, приблизительно в 140 тыс. пуд. меди, 100 тыс. пуд. придется вычеркнуть». В своем отчете князь упомянул также о том, что Сименсы были готовы даже продать дело, если бы нашлись покупатели [14, с. 377, 390].

12 Из рапорта В.И. Мёллера в Горный департамент от 9 ноября 1885 г. и объявления Горного департамента от 16 декабря 1885 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2128. Л. 18–23, 48.

13 Из переписки директора Больтона с Горным департаментом. 1886–1888 гг. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2128. Л. 78, 89–91, 93.

14 Из прошений директора заводов А.Г. Эрна от 15 июня 1913 г. и 12 февраля 1914 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 64–65, 81–82 об.

В сложившейся ситуации директор счел бессмысленными крупные расходы на предстоящую «ревизию» и новые таксационные работы «ввиду возможного прекращения работы заводов в недалеком будущем» и ходатайствовал об отсрочке ревизии на два года¹⁵. Когда же предоставленная отсрочка закончилась, Келле в январе 1905 г. вновь попросил перенести ревизию, но уже на неопределенное время, ссылаясь на «необнаружение в Кедабекском руднике достаточных запасов руды». Горный департамент согласился предоставить новую отсрочку лишь на пять лет, но когда и она истекла, в январе 1910 г. новый директор Кедабекского завода (Калакендский был уже закрыт) Адольф Эрн сообщил, что «доверители его (это были наследники Вернера Сименса, скончавшегося еще в 1892 г., и умершего в 1906 г. Карла Сименса. – *Е. Н.*) ввиду крайне стеснительного положения заводов... не находят возможным дать средства на ревизию и... готовы отказаться от заготовки лесных материалов в посессионной даче», полностью заменив древесное топливо нефтепродуктами (для их доставки к заводу был уже проложен нефтепровод длиной 42 версты от станции «Далляр» Закавказской железной дороги) [14, с. 401] и донецким антрацитом. Когда же через год он вновь повторил свою просьбу, директор Горного департамента Я.И. Хованский распорядился «отобрать в казну заводскую посессионную лесную дачу» в случае, если владельцы в течение года не выделят 12,9 тыс. руб. на составление нового плана лесного хозяйства¹⁶.

В июне 1912 г. директор Эрн сообщил, что «в самое последнее время в окрестностях Кедабека обнаружались признаки руды, до обследования коих... было бы преждевременно отказываться от надежды на возможность дальнейшего ведения Кедабекского медного предприятия». Последняя отсрочка по его просьбе была предоставлена до конца 1912 г. Хотя в том году на заводе выплавляли около 95 тыс. пуд. меди, деньги для составления плана лесного хозяйства так и не были внесены. В такой ситуации Кавказское горное управление распорядилось изъять лесную дачу. В свою очередь директор завода счел возможным просить об отмене повышенной горной подати и вообще о снятии посессионного статуса с имения, в котором оставалось всего 69 дес. казенной земли под строениями.

В июне 1913 г. он ходатайствовал о предоставлении этой площади «на арендных началах» и переводе Кедабекского завода во владельческие, «как не имеющего вещественных от казны пособий». «Владение и пользование одним только небольшим заводским отводом, на котором не производится никаких рудничных работ, а служащим лишь местом для резиденции, никоим образом не может оправдать обременение завода... податью... в размере 25 коп. за пуд меди», – писал он министру торговли и промышленности С.И. Тимашеву. Эта так называемая «добавочная подать» собиралась с

¹⁵ Из рапорта Кавказского горного управления в Горный департамент от 12 февраля 1903 г. и // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 1, 1 об.

¹⁶ Из переписки Кавказского горного управления и Горного департамента. 1903–1912 гг. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 9, 13, 26–28 об., 30, 30 об., 44, 57, 60.

посессионных горных заводов даже после того, как в 1898 г. подать с меди была заменена общим промысловым налогом. Эрн сообщал, что новый налог и без того составлял около 14 тыс. руб. и еще уплачивался 2-% земский сбор с недвижимого имущества в размере 6165 руб. Уплата дополнительной подати была бы в такой ситуации «явлением несправедливым». «Кроме того, – повторял он, – в настоящее время Кедабекский завод переживает тяжелый кризис, вследствие видимого истощения месторождения и крайне трудной добычи остатков руды, при продолжающихся значительных расходах на разведочные работы»¹⁷. Однако уже в феврале 1914 г. директор просил оставить «заводский отвод» на посессионном праве ввиду «трудности определения размера арендной платы»¹⁸.

Эти действия заводоуправления и местной администрации поставили высшие горные власти в сложную ситуацию. «Вследствие неразделимости по закону недвижимого имущества посессионных заводов, из состава всего имущества не могут быть выделены каким бы то ни было образом (путем ли отчуждения в другие руки или путем отобрания в казну) отведенные заводам земли и леса. Они могут быть отобраны в казну или отчуждены лишь вместе с заводом, – размышляли чиновники Горного департамента. – Между тем законных поводов для отобрания земель и лесов от Кедабекского завода вместе с самим заводом также не имеется налицо. Такое отобрание может явиться лишь следствием трехлетнего бездействия завода. Но Департаменту известно, что Кедабекский завод продолжает действовать». Отобрать посессионную дачу «при отсутствии возможности обосновать это на нормах действующего закона, а также и на специальных условиях предоставления упомянутых отводов» можно было только с высочайшего разрешения. Но это был сложный и долгий путь решения спешного вопроса.

Однако некоторые особенности сложившейся ситуации позволяли надеяться на более простой вариант решения. «Необходимость прибегать к испрошению высочайшего разрешения через Совет министров, – сочли чиновники, – устраняется силою того обстоятельства, что само заводоуправление заявляет согласие об отобрании ... ссылаясь на обременительность для завода нести расходы, сопряженные с пользованием этими дачами. Вопрос об отобрании лесных отводов представляется в данном случае лишенным характера принудительной меры и, приобретая значение добровольного отказа от пользования предоставленным правом, не требует для своего осуществления какой-либо санкции со стороны верховного управления и обуславливает лишь необходимость соответствующего хозяйственного распоряжения со стороны подлежащих казенных ведомств относительно дальнейшего назначения освобождающегося казенного имущества»¹⁹.

Найдя, таким образом, простой выход из сложной ситуации, Министерство

17 Прощение А.Г. Эрн министру торговли и промышленности от 15 июня 1913 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 64–65, 142.

18 Прощение А.Г. Эрн министру торговли и промышленности от 12 февраля 1914 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 81–82 об.

19 Записка Горного департамента от 18 ноября 1914 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 88–96.

торговли и промышленности в июне 1915 г. согласилось передать лесные дачи в ведение Главного управления землеустройства и земледелия «с оставлением 69 дес. в распоряжении завода». Полтора года ушло на передачу имущества и организацию особого казенного лесничества²⁰. Между властями и заводоуправлением еще продолжались споры о том, кто должен платить за работу лесничих в этот переходный период, когда 30 января 1917 г. в Горный департамент поступило ходатайство от поверенного наследниц Карла Сименса – российских потомственных дворянок баронессы Марии Гревениц (жила в Петрограде на Французской наб., 24) и баронессы Шарлотты Буксгевден (Дворцовая наб., 24). Совладелицы просили «разрешения на продажу в полном ходу завода Кедабек, расположенного на посессионной земле, русскому Чорохскому медному и рудному акционерному обществу», устав которого был утвержден в том же месяце²¹.

Однако решение вопроса было приостановлено вмешательством Особого делопроизводства по правительственному надзору за торгово-промышленными предприятиями, принадлежавшими подданным враждебных государств. Это чрезвычайное контрольное учреждение, образованное в условиях войны с Германией, «возбудило вопрос о фиктивности передачи наследниками германско-подданного Вернера фон Сименса половины принадлежавших им прав на Кедабекский завод наследникам русско-подданного Карла Сименса», которая состоялась, видимо, в начале войны. В августе 1917 г. Особое делопроизводство запросило у Министерства торговли и промышленности сведения об акционерном обществе – о составе его правления, капитале и акционерах. Но удалось выяснить лишь то, что его учредителем выступил горный инженер Р.Ф. Зиверт²². Других сведений в распоряжении министерства не оказалось, не последовало и окончательного решения по спорному вопросу о продаже Кедабекского завода вместе с его сократившейся до заводского отвода посессионной дачей. Дальнейшие события в стране, скорее всего, окончательно сняли этот вопрос с повестки дня.

Таким образом, «кедабекская посессия» Сименсов в Закавказье, действовавшая полстолетия и заключающаяся в отводах казенных земель и лесов, помогла знаменитым предпринимателям прусского происхождения организовать одно из крупнейших горнозаводских хозяйств в регионе. Вместе с ним здесь появились передовые технологии и техника медеплавильного производства, получили развитие новейшие транспортные коммуникации и средства связи, что способствовало общему экономическому подъему края. Вместе с тем, посессионное право, положенное в основу взаимоотношений владельцев и государства, ярко проявило здесь свое «ограничительное действие», заключавшееся в данном случае в жесткой увязке размеров лесных отводов с производительностью

20 Из переписки Кавказского горного управления и Горного департамента. 1915–1916 гг. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 110–116.

21 Из прошения поверенного владелиц инженера А.Ф. Гернета от 30 января 1917 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 129.

22 Из переписки Кавказского горного управления и Горного департамента. Февраль – август 1917 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 136, 148, 149.

предприятий. Хотя совместными усилиями владельцев и горных властей эти ограничения преодолевались (предоставлением новых отводов, отсрочками платежей, строительством второго завода, применением технологии электролиза меди, использованием ископаемых видов топлива), но они усложняли действия заводоуправления, вызывали рост накладных расходов, становившихся обременительными при всех прочих трудностях организации крупного горнопромышленного дела в регионе. Владельцы и руководство предприятий были поставлены перед тяжелым выбором между отказом от посессионных отводов и связанных с ними обременительных условий, с одной стороны, и опасением остаться без столь необходимого для деятельности металлургических заводов «горючего материала», с другой. В итоге посессионные правоотношения оказались одним из факторов, все-таки заставивших владельцев отказаться не только от лесных отводов, но и от дальнейшей эксплуатации налаженного многолетними усилиями крупного промышленного дела.

С.С. Абамелек-Лазарев, много путешествовавший по Ближнему Востоку, поделился своими впечатлениями от горнозаводских имений Сименсов в Закавказье. «Когда я приехал на станцию Далляр, – писал он в 1897 г., – то был поражен сходством долины Куры с долиною Иордана, недалеко от Иерихона. Та же широкая пустынная долина с несколькими ярко-зелеными пятнами ирригованных полей. Те же мрачные, голые, крутые гряды холмов, окаймляющие долину. Бесконечными зигзагами по горе Маргуль дорога подымается на мрачное плоскогорье, лежащее над станцией на 3500 футов. По этому унылому плоскогорью едешь 30 верст до Кедабекской долины, затянутой густыми облаками едкого сернистого дыма, губящего растительность. Над заводом справа возвышается круглая вершина Мис-Дага, с изрытыми рудничными работами склонами и всюду виднеются то зеленоватые, то розовые отвалы пород, и изпод них текут ручьи, окрашенные в синий и зеленый цвет. Картина принимает ночью зловещий, адский характер, когда из всех высоких заводских труб виден огонь, и временами озаряются облака заревом. С радостью покидаешь Кедабек по заводской дороге, живописно извинаящейся зигзагами по склонам гор с открывающимися видами на снежные вершины, окружающие Гокчинское озеро, и незаметно подъезжаешь к Калакендскому заводу, расположенному в живописной долине, скаты которой покрыты красным лесом. Здесь нет удушливого дыма, так как руда не обжигается, и самый завод имеет меньше труб». Князя, который сам вскоре станет владельцем крупного промышленного имения на Урале, совсем не смутил «адский» горнозаводский пейзаж Кедабека. Наоборот, его, как человека своего времени, мало знакомого с экологической проблематикой, восхитила «вся эта кипучая деятельность, превратившая пустыню в почти городские поселения», и он отметил успешную деятельность братьев Сименсов «в том смысле, что они создали, при трудных обстоятельствах, крупнейший медеплавильный завод в России» [14, с. 373, 378].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Митинский А.Н. Посессионное право. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1911. – 137 с.
 2. Неклюдов Е.Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX в. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2011. – 274 с.
 3. Удинцев В.А. Русское горноземельное право. – Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1909. – 373 с.
 4. Штоф А.А. Горное право. Сравнительное изложение горных законов, действующих в России и главнейших горнопромышленных государствах Западной Европы. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1896. – 618 с.
 5. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 33. № 26116.
 6. Неклюдов Е.Г. Статусы и владельцы Чатахского горнозаводского имения в Закавказье во второй половине XIX – начале XX в. // *Magistra Vitae*. 2016. № 2. С. 30–39.
 7. О горнозаводской производительности в Кавказском и Закавказском крае по 1863 г. // *Горный журнал*. 1874. № 4. С. 124–127.
 8. Штейнман И.А. Записка об осмотре горных заводов и промыслов Кавказского и Закавказского края // *Горный журнал*. 1869. № 10. С. 1–29.
 9. Лутц М. Карл фон Сименс (1829–1906). Жизнь между семьей и всемирно известной компанией / Пер. с нем. – М.: Сименс, 2014. – 424 с.
 10. Далгатов А.Г., Исмаилова А.М. Медеплавильное производство Северного Азербайджана во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Дагестанского гос. ун-та*. – 2012. – Вып. 4. – С. 68–71.
 11. Мешкунов В.С. Карл Сименс – русский дворянин и электротехник // *Немцы в России: Петербургские немцы* / Отв. ред. Г.И. Смагина. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 211–224.
 12. Наниташвили Н.Л. Германский капитал в Закавказье. Деятельность фирмы
1. Mitinsky AN. *Possession law [Posessionnoye pravo]*. Saint-Petersburg: P.P. Soykin Print, 1911.
 2. Neklyudov EG. *Possession law in the history of the Ural mining industry in the 19th – early 20th centuries [Posessionnoye pravo v istorii ural'skoy gornozavodskoy promyshlennosti XIX – nachala XX v.]*. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2011.
 3. Udintsev VA. *Russian mining law [Russkoye gornozemel'noye pravo]*. Kiev: I.I. Chokolov Print, 1909.
 4. Shtof AA. *Mining law. Comparative presentation of mining laws in force in Russia and the main mining states of Western Europe [Gornoye pravo. Sravnitel'noye izlozheniye gornykh zakonov, deystvuyushchikh v Rossii i glavneyshikh gornopromyshlennykh gosudarstvakh Zapadnoy Yevropy]*. Saint-Petersburg: M.M. Stasyulevich Print, 1896.
 5. *Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. 33. No. 26116.*
 6. Neklyudov EG. *The statuses and owners of the Chatakhsy mining and plant estate in the Transcaucasia in the second half of the 19th – early 20th centuries [Statusy i vladel'tsy Chatakhskogo gornozavodskogo imeniya v Zakavkaz'ye vo utoroy polovine XIX – nachale XX v.]*. *Magistra Vitae*. 2016, 2: 30–39.
 7. On mining productivity in the Caucasian and Transcaucasian territories up to 1863 [O gornozavodskoy proizvoditel'nosti v Kavkazskom i Zakavkazskom kraye po 1863 g.]. *Gornyi Zhurnal*. 1874, 4: 124–127.
 8. Steinman I.A. Note on the inspection of mining plants and industries of the Caucasian and Transcaucasian territories [Zapiska ob osmotre gornykh zavodov i promyslov Kavkazskogo i Zakavkazskogo kraya]. *Gornyi zhurnal*. 1869, 10: 1–29.
 9. Lutz M. *Karl von Siemens (1829–1906). Life between a family and a world-famous company [Karl fon Simens (1829–1906). Zhizn' mezhdum sem'yey i vsemirno izvestnoy kompaniyey]*. Moscow: «Siemens» Publ., 2014.
 10. Dalgatov AG, Ismailova AM. Copper smelting production in Northern Azerbaijan in the second half of the 19th – early 20th

«Сименс и Гальске» 1860–1917 гг. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1982. – 376 с.

13. Мёллер В.И. Горнозаводский промысел Кавказа в 1885 г. // Горный журнал. – 1886. – № 12. – С. 455–483.

14. Абамелек-Лазарев С.С. Отчет о командировке в Закавказье // Горный журнал. – 1897. – № 3. – С. 367–404.

centuries. *Bulletin of the Dagestan State University*. 2012; 4: 68–71 (In Russ).

11. Meshkunov VS. *Karl Siemens – Russian nobleman and electrical engineer*. In: Smagina G.I. (ed.). *Germans in Russia: St. Petersburg Germans [Karl Simens – russkiy dvoryanin i elektrotekhnik]*. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 1999. p. 211–224.

12. Nanitashvili NL. *German capital in the Transcaucasus. Activities of Siemens & Halske 1860–1917 [Germanskiy kapital v Zakavkaz'ye. Deyatel'nost' firmy «Simens i Gal'ske» 1860–1917 gg.]*. Tbilisi: Publishing house of Tbilisi University, 1982.

13. Möller VI. Gornozavodskiy trade of the Caucasus in 1885 [Zapiska ob osmotre gornykh zavodov i promyslov Kavkazskogo i Zakavkazskogo kraja]. *Gornyi Zhurnal*. 1886, 12: 455–483.

14. Abamelek-Lazarev SS. Report on a business trip to Transcaucasia [Otchet o komandirovke v Zakavkaz'ye]. *Gornyi Zhurnal*. 1897, 3: 367–404.

Статья поступила в редакцию 27.10.2021 г.